

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.9>

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ МОДИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ

Научная статья

Голикова М.М.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-7029-3599;

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (mmgolikova[at]mail.ru)

Аннотация

Цель исследования заключается в системном описании такого способа трансформации фразеологических единиц, как замена ключевого компонента. Особое внимание уделяется модификациям фразеологического образа, лежащего внутри изучаемой единицы. Материалом исследования послужили произведения русских писателей-эмигрантов (с первой по четвертую волну), что обуславливает пристальное внимание автора к автохтонным и заимствованным тенденциям в процессе изменения фразеологических единиц.

Достижению цели подчинено решение следующих задач:

- а) выявление модифицированных выражений,
- б) классификация продуктивных механизмов трансформации,
- в) выявление типических компонентов, подвергающихся изменениям в текстах писателей-эмигрантов.

Результаты исследования могут быть использованы в панорамном исследовании языка писателей русского зарубежья.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологизм, трансформация фразеологизма, язык русского зарубежья, русская эмигрантская проза.

ON ONE OF THE WAYS OF MODIFYING PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE WORKS OF RUSSIAN
EMIGRANT WRITERS

Research article

Golikova M.M.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-7029-3599;

¹ Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

* Corresponding author (mmgolikova[at]mail.ru)

Abstract

The aim of the research is to systematically describe such a way of transformation of phraseological units as replacement of the key component. Special attention is paid to the modifications of the phraseological image lying within the studied unit. The material of the study is the works of Russian emigrant writers (from the first to the fourth wave), which determines the author's close attention to the autochthonous and borrowed tendencies in the process of changing phraseological units.

The following tasks are aimed at achieving the goal:

- a) identification of modified expressions,
- b) classification of productive mechanisms of transformation,
- c) identification of typical components undergoing changes in the texts of emigrant writers.

The results of the study can be used in a panoramic study of the language of writers of the Russian Abroad.

Keywords: phraseological unit, phraseology, transformation of phraseology, language of Russian Abroad, Russian émigré prose.

Введение

Несмотря на многообразие трактовок термина «фразеологическая единица» (далее – ФЕ), во всех них обычно можно найти нечто общее – указание на устойчивость подобных единиц. Однако и это, казалось бы, аксиоматичное положение способно подвергаться сомнению, когда речь заходит о трансформации выражений. М.М. Аймагамбетова отмечает, что такие преобразования имеют под собой как лингвистическое, так и психологическое обоснование, трансформация «расширяет границы авторской мысли, помогает проявить творческие способности» [1, С. 64], а также становится дополнительным номинативным ресурсом.

Изучению механизмов трансформации ФЕ посвящены работы многих исследователей [2]; [4]; [9]; [10] и др. Учёные демонстрируют разные подходы, но в целом предложенные ими типы трансформации имеют ряд общих черт. Так, внимание уделяется как семантическим, так и структурным преобразованиям ФЕ, а также их способности впитывать чужеродные элементы (в т.ч. из сторонних лингвокультур) и т.п. А.В. Кунин отталкивается от сформулированного им понятия фразеологической устойчивости, каждый из которых может обуславливать выбор определённого типа модификации. При этом подобные изменения в художественных текстах обычно носят окказиональный характер, хотя не исключена и последующая кодификация трансформированных ФЕ [3].

Рассмотренные и упомянутые выше классификации механизмов трансформации ФЕ, безусловно, дают достаточно полную картину метаморфоз, которым могут быть подвержены выражения в устной и письменной речи. Однако чаще всего при рассмотрении трансформации не уделяется внимание возможным изменениям, происходящим (или, наоборот, не происходящим) с фразеологическим образом (далее – ФО). В рамках нашей работы мы, опираясь на труды исследователей, предприняли попытку выявить наиболее распространённые в текстах писателей-эмигрантов виды трансформации ФЕ с учётом их влияния на ФО. Именно поэтому наряду с распространённым термином *трансформация* далее нами будет употребляться и термин *модификация*, в большей степени касающийся именно образной составляющей.

Обсуждение

В исследованных текстах (89 произведений разной жанровой формы) нами было выделено более 650 трансформированных ФЕ. Назвать более точное число представляется достаточно сложной задачей из-за спорного положения отдельных ФЕ: так, например, не всегда возможна дифференциация фразеологических вариантов и трансформированных единиц. В таких противоречивых случаях к трансформированным мы относили ФЕ, где изменения существенным образом сказывались на семантике, условиях употребления или же специфике ФО. Всего нами было выделено 4 крупных типа модификации ФЕ и ФО с возможными подтипами:

- замена компонента;
- структурно-грамматическая модификация ФЕ;
- семантическая модификация;
- модификация с использованием иноязычных элементов.

Предлагаемая классификация демонстрирует в первую очередь специфику ФЕ в произведениях писателей-эмигрантов, поэтому может отличаться от общепринятых. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим только первый тип как наиболее распространённый и продуктивный. Замену можно считать наиболее очевидным механизмом трансформации. Вместо узуального компонента в структуру ФЕ встраивается другой, окказиональный. Выбор при этом обуславливается авторским замыслом, контекстом, условиями употребления и т.п. В зависимости от вида такой замены ФО может либо сохраняться неизменным, либо преобразоваться в рамках заданной исходной модели.

Наиболее часто в исследованных текстах встретилась замена одного из компонентов на схожий по смыслу. Например: «– Да, это **не шоколад!** – сочувственно кивнул головой *Веткин*» (Куприн). В узуальной ФЕ можно обнаружить схожий компонент – *сахар*. Общая сема ‘сладкий’ обуславливает незначительность изменений ФО. Гораздо ярче эти метаморфозы выражены в тех случаях, когда речь идёт о метонимическом переносе, влияющем на меню компонента: *голова* → *ум*, *птица* → *сова*, *время* → *час* и т.п. Подобные изменения бывают особенно сложно отличать от фразеологических вариантов. Однако в отдельных случаях они могут иметь принципиальное значение. Например, изменение компонента *собака* на *кобель* (важность гендера при использовании зоонимов уже была отмечена нами ранее): «– **Стар кобель, да не батькой звать** – ответил *Дениска* спокойно» (Бунин). Стоит отметить, что подобные изменения довольно часто встречаются в поговорках, поэтому могут обуславливаться не только авторскими намерениями, но и существующими вариантами поговорки, употребляющимися на той или иной территории*.

ФЕ, употребляющиеся в языке достаточно часто, способны укрепиться в нём в качестве своеобразных моделей (в том числе и на уровне ФО). Соответственно, изменение компонента в подобных случаях сразу привлекает внимание читателя, что способно стать одним из инструментов языковой игры. К таковым, например, можно отнести ФЕ *в один прекрасный день*. Семантика этой ФЕ не предполагает конкретных датировок и положительных характеристик, что может быть использовано при модификации выражения: «Скажем: **Лик мог бы надеяться, что в один смутно прекрасный вечер он посреди привычной игры попадет как бы на топкое место, что-то поддастся, и он навсегда потонет в оживающей стихии...**» (Набоков). Меняя лексему *день* на *вечер*, В.В. Набоков не только трансформирует выражение, но и вносит коррективы в исходный образ, играя на многозначности лексемы *день*: в узуальной ФЕ она синонимична слову *сутки*, а не указывает на конкретную их половину. Добавление дополнительного компонента *смутно* меняет и атрибутивную часть ФЕ, подвергая своеобразному сомнению устойчивый признак. Получается, что исходный образ разрушается изнутри, однако фразеологическое при этом принципиально не меняется.

Достаточно часто замена компонентов связана с подбором аналога, отличающегося от исходного сугубо стилистической точки зрения. Обычно нейтральный компонент меняется на просторечный или даже грубый: *соврать* → *сбрехать*, *жизнь* → *жисть*, *каждый* → *кажнй*, *искать* → *шарить* и т.п. В большинстве своём такая замена не оказывает никакого влияния на сам ФО, т.к. обуславливается лишь условиями употребления ФЕ (реальными или воссоздаваемыми в произведении). Однако возможны и иные ситуации. Такова, например, окказиональная ФЕ *сбить с копыт*: «**Может быть, каждый только пыжится в расчете, чтобы его не сбили с копыт?**» (Аксёнов). По значению она абсолютно идентичная узуальной ФЕ *сбить с ног*. Использование «зоонимического» соматизма вместо «человеческого» добавляет оттенок пренебрежительности, влияет на коннотацию ФЕ, но не на её семантику. Встречаются также обратные процессы, где трансформация призвана нивелировать выраженную отрицательную коннотацию исходной ФЕ и/или отдельного её компонента. Такое, в частности, происходит в тех случаях, когда компонент носит обценный характер или же относится к грубой/просторечной лексике: «**Ах, как подвел, щукин сын!**» (Ржевский) (вместо *сукин сын*); «– Да болтание это. Как **цветок в проруби...**» (Некрасов). Такие замены хоть и делают текст эвфемизированным, но всё же актуализируют в сознании читателя оригинальный вариант, т.е. предполагают знание базового ФО, т.к. в противном случае новообразованный оборот недоступен пониманию и интерпретации.

Чрезвычайно интересным представляется изучение ФЕ, где производится замена компонента, не имеющий явных сходств с исходным или же сближающийся с ним только в контексте. В таких выражениях обычно модифицируется и сам ФО, но и потому, что сам подбор нового компонента может обуславливаться значимыми с лингвокультурной точки

зрения факторами. Так, например, в активном фразеологическом фонде русского языка присутствует ФЕ *одним миром мазаны* 'о людях со схожими недостатками'. В словаре А.К. Бириха и В.М. Мокиенко отмечается, что выражение восходит к церковным обрядам, «при которых приготавливалось *миро* – специально приготавливаемое вещество» [11, С. 381]. Получается, что в основе ФЕ находится ФО, связанный с соприкосновением группы лиц с неким жидким веществом. Ср. с трансформированным вариантом: «*Правые нары подхватили, мстя левым и Тихой за то, что те считают себя лучше, что подкладывают в печь, что не отвечают на ругань. “Одним иодом мазаны!”*» (Юрасов). В приведённом примере *миро* меняется на *йод*. Внутренняя форма выражения не претерпевает серьёзных изменений, однако образная составляющая модифицируется: вместо связи с церковью, религией, очевидны становятся намного более приземлённые реалии. Опираясь на контекст, можно увидеть, что речь идёт о заключённых. Вполне естественно, что *йод* намного более характерен для их быта, нежели *миро*. Подобный принцип модификации действует и в случае с ФЕ *не робкого десятка*: «*Телескопов – человек не робкого эскадрона, все записано в трудовой книжке, однако в данном случае трезво рассуждает, что потеря водителя такси взамен нетоварного зайца в целом для общества вредна*» (Аксёнов). Очевидно, что слово *эскадрон* употребляется здесь в переносном значении и указывает на большое количество людей. Для молодых учёных такая ироничная номинация оказывается даже более уместной, чем узуальное *десяток*, а возникающая благодаря прямому значению стержневого компонента ассоциативная связь с кавалерийским подразделением добавляет ироничный оттенок.

Особое внимание стоит уделить модификациям, указывающим на историко-культурные реалии общества. Так, например, в русском языке активно используется ФЕ *боже милосердный*. Основанная на обращении к Богу, сейчас она носит преимущественно междоветный характер и репрезентирует эмоции говорящего (удивление, страх и т.п.). Сам ФО предполагает, что субъект, охваченный подобного рода эмоциями, как бы ищет защиты у Бога, апеллирует к Нему как к силе, способной «разобраться» со внештатной ситуацией. Именно поэтому столь интересной становится модификация ФО в тексте В.П. Аксёнова: «*Перед Борцовым по-прежнему сидел хихикающий санитарный гражданинчик, но теперь он уже размылся, видоизменялся очень активно и превращался на глазах – генералиссимус милосердный!* – в идейно подозрительного чрезвычайно-мало-советского чужака Мемозова...» (Аксёнов). *Генералиссимус* – высший военный чин. За всю историю России его были удостоены всего несколько человек, в т.ч. великий полководец А.В. Суворов. В 1945 г. звание Генералиссимуса Советского Союза было присвоено И.В. Сталину. Очевидно, что в приведённой ФЕ подразумевается именно он. Примечательно, что сама повесть «Золотая наша железка» была вышла в свет в 1973 г., спустя 20 лет после смерти И.В. Сталина. Несмотря на это, на последующее развенчание «культы личности», противоречивое отношение общества к И.В. Сталину, его фигура оставалась чрезвычайно значительной, что и дало возможность автору, пусть и в ироничном ключе, модифицировать ФО, фактически поставив на одну ступень Бога и генералиссимуса. Такая модификация может считать достаточно характерной для атеистической направленности культуры советской поры.

Замена компонента достаточно часто происходит в случае с крылатыми выражениями и ФЕ, пришедшими в широкое употребление из художественной литературы. Чаще всего такая трансформация носит характер реминисценции и призвана актуализировать у читателя фоновые знания о тексте-источнике: «*Оставь насмешку всяк сюда входящий, думаем мы*» (Аксёнов) – от «*Оставь надежду, всяк сюда входящий*», заключительной фразы текста над вратами ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери. Серьёзная фраза превращается в шутовую во многом за счёт мены компонента *надежда* на шуточный *насмешка*. В то же время в сознании читателя невольно проводится параллель между входом в помещение из повести В.П. Аксёнова и дантовским адом, что усиливает восприятие и без того фантастичного сюжета.

В ряде случаев связь трансформированной ФЕ с контекстом становится ещё более ощутимой. Пример можно встретить в романе Д.И. Рубиной: «*Дочери он телеграммы не отбивал. Да и куда отбивать – на деревню в “бочку”?*» (Рубина). Основой для выделенного выражения стала известная ФЕ *на деревню дедушке* 'по неизвестному, заведомо неверному адресу', пришедшая в активное употребление из рассказа А.П. Чехова «Ванька». ФО складывается из двух частей: «адреса» (неопределённое *на деревню*) и «адресата» (*дедушке*). Трансформированный вариант сохраняет эту структуру, что позволяет сохранить и неопределённость «адреса», однако меняет «адресата» на *бочку*. Смысл такой замены становится понятным только при чтении произведения: *бочка* становится временным пристанищем главной героини. Безусловно, конкретного адреса такой объект иметь не может, что делает невозможной и потенциальную переписку. Получается, что модифицированный ФО (а вместе с ним и вся ФЕ) способен «жить» исключительно на страницах романа, не проникая в узус.

В отдельных случаях замена может производиться на компоненты, являющиеся родственными исходным. Чаще всего подобные трансформации укладываются в рамки вариативности одной ФЕ и не требуют детального изучения (*сердце выиграло* → *сердце заиграло*), однако порой они способны повлиять на ФО. Такова, например, замена компонента на аналогичный, но с уменьшительно-ласкательным суффиксом: «*Как в свободный денек пойдешь если с Наташкой, у каждого стекла останавливается и зубками стучит*» (Шмелёв). Такая мена может демонстрировать трепетное отношение субъекта речи к описываемому им явлению или, как в приведённом примере, служить иллюстрацией особой подобострастной, «лакейской» манеры общения, вызывающей у собеседников закономерное презрение.

Обращает на себя внимание и замена количественных компонентов. Чаще всего определённые количественные показатели в структуре ФО обуславливаются архаичными представлениями о магии чисел. Соответственно, трансформация разрушает эту магию или, наоборот, привносит новую. В выявленных нами примерах изменение количества обычно способствует гиперболизации ФО: *битый час* → *битых три часа* («*И никто не подойдет к машине моего друга, который встретил меня на вокзале и повез в гостиницу, и не скажет «пройдемте», и мы битых три часа просидим в милиции...*» (Некрасов), *семь потов* → *сто потов* («*Мы тут сто потов спустили, а он по морям катался, картинками занимался*» (Шмелёв) и т.п. Количественное изменение ФО пропорционально усиливает и

передаваемый им смысл. В отдельных случаях возможна нейтрализация квантитативного компонента, что размывает границы ФО, делает его более неопределённым: *гидра стоголовая* → *многоголовая гидра* («Одно из сквернейших моих воспоминаний, это "двигайте!": четыре часа нашей стоянки в Лиде – белкино колесо, **битва (моя) с многоголовой гидрой**, ошалевшей от роскоши прилавков и витрин» (Ржевский). Заменяя конкретное *сто* на более абстрактное *много*, автор усиливает эффект, производимый ФЕ, концентрирует передаваемые с её помощью смыслы.

*При работе с паремиями мы учитывали данные сразу нескольких словарных источников, что и дало основания говорить о проявлении трансформации.

Заключение

Процессы модификации ФЕ в эмигрантской прозе могут носить выраженный кросс-культурный характер. Это обуславливает и выбор того или иного способа трансформирования выражения. Среди выделенных нами способов (замена, структурно-грамматическая и семантическая модификации, использование иноязычных элементов) кросс-культурные тенденции наиболее явно прослеживаются при задействовании иноязычных компонентов, а также замене одной единицы на другую, обусловленной внешними лингвокультурными причинами. Именно благодаря этому замена фразеологических компонентов становится чрезвычайно продуктивным способом дискурсивно-стилистической модификации ФО и трансформации всей ФЕ. Благодаря такой замене исходная ФЕ способна не только получить новые смысловые оттенки, но и по-новому отразить значимые лингвокультурные артефакты. Обращает на себя внимание и выраженное взаимовлияние ФО и ФЕ: трансформация образной составляющей выражения сказывается на его семантике, коннотативных особенностях, даёт дополнительные ограничения в употреблении и т.п. Частота и сложность подобных модификаций имеет под собой как лингвистические, так и экстралингвистические основания, в т.ч. особенности идиостиля писателя, новой для него лингвокультуры.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.9.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.9.1>

Список литературы / References

1. Аймагамбетова М.М. К вопросу о классификациях трансформации фразеологизмов. / М.М. Аймагамбетова // Архивариус. — 2016. — 2 (6). — с. 64-68.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках) / Е.Ф. Арсентьева. — Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. — 123 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин — М.: Высшая школа, 1996. — 200 с.
4. Семушина Е.Ю. Комплексные случаи трансформации фразеологических единиц, основанные на насыщении контекста (на материале английского и русского языков). / Е.Ю. Семушина // Филология и культура. — 2013. — 33. — с. 126-129.
5. Naciscione A. Reproducibility of Pattern of Stylistic Use: A Cognitive Diachronic View. / A. Naciscione // Europhras 2018: Reproducibility from a phraseological perspective: Structural, functional and cultural aspects; — Poland: Prymat, 2018.
6. Bertran A.P. Phrasal Verbs, Idiomaticity and the Fixedness Continuum. / A.P. Bertran // Europhras 2018: Reproducibility from a phraseological perspective: Structural, functional and cultural aspects; — Poland: Prymat, 2018.
7. Villers D. Phraseological Blunders: When New Phrasemes Are Born from Mistakes. / D. Villers // Europhras 2018: Reproducibility from a phraseological perspective: Structural, functional and cultural aspects; — Poland: Prymat, 2018. — p. 206-207.
8. Вакуров В.Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике. / В.Н. Вакуров // Русская речь. — 1994. — 6. — с. 40-47.
9. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков — Л.: Наука, 1977. — 284 с.
10. Миргалимова Л.М. Трансформации английских и русских фразеологических единиц на основе нарушения уровней устойчивости разработанных А.В. Куниным / Л.М. Миргалимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 4. Вып. 6. — с. 1916-1920.
11. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко — СПб: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ajmagambetova M.M. K voprosu o klassifikatsiyax transformatsii frazeologizmov [On the Classification of the Transformation of Phraseological Expressions]. / M.M. Ajmagambetova // Arxivarius [Arhivarius]. — 2016. — 2 (6). — p. 64-68. [in Russian]
2. Arsenteva Ye.F. Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh yedinit (na materiale frazeologicheskikh yedinit, semanticheskii orientirovannykh na cheloveka, v angliiskom i russkom yazykakh) [Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinic (na materiale frazeologicheskikh edinic, semanticheskii orientirovannykh na cheloveka, v angliiskom i russkom yazykakh)] / Ye.F. Arsenteva. — Kazan: Publishing house of the Kazan university, 1989. — 123 p. [in Russian]

3. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazy'ka [Modern English Phraseology Course] / A.V. Kunin — M.: Vysshaya shkola, 1996. — 200 p. [in Russian]
4. Semushina E.Yu. Kompleksny'e sluchai transformacii frazeologicheskix edinic, osnovanny'e na nasy'shhenii konteksta (na materiale anglijskogo i russkogo yazy'kov) [Complex Cases of Transformation of Phraseological Units Based on Context Saturation (on the Material of English and Russian)]. / E.Yu. Semushina // Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]. — 2013. — 33. — p. 126-129. [in Russian]
5. Naciscione A. Reproducibility of Pattern of Stylistic Use: A Cognitive Diachronic View. / A. Naciscione // Europhras 2018: Reproducibility from a phraseological perspective: Structural, functional and cultural aspects; — Poland: Prymat, 2018.
6. Bertran A.P. Phrasal Verbs, Idiomaticity and the Fixedness Continuum. / A.P. Bertran // Europhras 2018: Reproducibility from a phraseological perspective: Structural, functional and cultural aspects; — Poland: Prymat, 2018.
7. Villers D. Phraseological Blunders: When New Phrasemes Are Born from Mistakes. / D. Villers // Europhras 2018: Reproducibility from a phraseological perspective: Structural, functional and cultural aspects; — Poland: Prymat, 2018. — p. 206-207.
8. Vakurov V.N. Frazeologicheskij kalambur v sovremennoj publicistike [Phraseological Puns in Modern Publicity]. / V.N. Vakurov // Russkaya rech' [Russian Speech]. — 1994. — 6. — p. 40-47. [in Russian]
9. Molotkov A.I. Osnovy' frazeologii russkogo yazy'ka [Basics of Russian Phraseology] / A.I. Molotkov — L.: Nauka, 1977. — 284 p. [in Russian]
10. Mirgalimova L.M. Transformatsii angliiskikh i russkikh frazeologicheskikh yedinit na osnove narusheniya urovnei ustoichivosti razrabotannikh A.V. Kuninim [Transformations of English and Russian Phraseological Units on the Basis of Violation of Stability Levels Developed by A.V. Kunin] / L.M. Mirgalimova // Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. — 2021. — Vol. 4. No. 6. — p. 1916-1920. [in Russian]
11. Birix A.K. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-e'timologicheskij spravochnik [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and Etymological Reference Book] / A.K. Birix, V.M. Mokievko — SPb: Folio-Press, 1998. — 704 p. [in Russian]